КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРОГРАММА И МЕХАНИЗМ САМООБНОВЛЯЮЩЕЙСЯ И САМОРАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СУДЕБНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМ

Осипян Б.А., кандидат юридических наук, доцент, юрисконсульт, г. Москва, Российская Федерация, *artos5@mail.ru*

В статье автор посредством раскрытия существенно новых ключевых государственно-правовых понятий и актуальных проблем нормального развития правовой системы цивилизованного общества разрабатывает и предлагает новую модель для своевременной модернизации и совершенствования всей судебной и законодательной системы любого состоявшегося правомерного государства на основе надлежащего правосознания добросовестных и предприимчивых законодателей, судей, правоохранителей, наиболее передовых и ответственных общественных организаций и простых граждан.

Ключевые слова: конституционная программа и механизм, саморазвивающаяся судебная и законодательная система, надлежащая и непреходящая идея права, высокое правосознание, правомерный закон, конституционно-правовая ответственность.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-27-3-41-53

UDC 340.1:342.25

THE CONSTITUTIONAL PROGRAM AND THE MECHANISM OF THE SELF-UPDATING AND SELF-DEVELOPING JUDICIAL AND LEGISLATIVE SYSTEM

Osipian B.A., candidate of law, assistant professor; legal advisor, Moscow, Russian Federation, *artos5@mail.ru*

In article the author by means of the revelation of the significantly new key state and legal concepts and notions, as well as the most actual problems of the normal development of the legal system of a civilized society, develops and offers a new model for the prompt modernization and improvement of all the existing judicial and legislative system of any accomplished lawful state on the basis of the proper legal consciousness, the due sense of justice of the conscientious and initiative official legislators, judges, law-enforcement agents, the most responsible and advanced public organizations and ordinary citizens.

Key words: constitutional program and mechanism, spontaneous judicial and legislative system, the proper and everlasting idea of law, high legal consciousness, due sense of justice, lawful statute, constitutional and legal responsibility.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-27-3-41-53

В целях постоянного и нормального развития народного духа, общественного и профессионально-юридического правосознания*, наличия и действия надлежащего законодательства и свершения правосудия духовно-правовой принцип — «*norma normans et normata*», т.е. юридические нормы нормируют и нормируются — должен сегодня действовать вместо общепризнанного, но уже заметно устаревшего юридического принципа — «*norma normans, non normata*». Государственно-правовая жизнь воочию показывает всем созна-

тельным и наблюдательным правоведам, что многие, даже некогда необходимые и целесообразные государственные законы со временем становятся ветхими, вредными и разрушительными для любого свободно развивающегося народа и общества. Иными словами, никакой человеческий, в том числе изначально, казалось бы, вполне правомерный и целесообразный государственный закон (не говоря уже об изначально духовно невежественных, безнравственных, неразумных, противоправных, неправомерных, своекорыстных или даже криминальных государственных законах [1, 2]) не может сам по себе быть совершенным и, тем более, довести что-либо в нашей личной и социальной жизни до совершенства [3].

Всякий правохарактерный, правообразный, правомерный и целесообразный государственный закон может быть только необходимым и соответствующим и соразмерным средством для

* Имеется в виду верное сознание надлежащей и непреходящей идеи права, прежде всего, самими государственными законодателями, судьями, правоохранителями и всеми иными конституционно-правовыми субъектами, которые наделены законным правом законодательной инициативы, предложения новых законопроектов, а также любого непосредственного или опосредованного изменения или дополнения положений действующего законодательства.

достижения каких-то долговременных благих и правомерных целей [4]. Поэтому мудрым и опытным законодателям, судьям и иным ответственным правоохранителям необходимо делать всё должное и возможное, чтобы в пределах своих полномочий вольно или невольно не превращать это нужное средство в самоцель, а высший и полезный принцип «законности» в свою пагубную противоположность. Посему донныне общепринятый принцип первенства (приоритета) закона (так называемого «принципа законности») служит лишь залогом (гарантией) точного и единообразного исполнения изначально правомерных положений действующего национально-государственного законодательства; в этом состоит его верный научно-правовой смысл и высокое социальное назначение.

Между тем, будучи неразумно воспринятыми учёными-юристами, судебными и правоохранительными органами государства как высшая самоцель и самодостаточное средство, этот духовно и научно обоснованный конституционный принцип нередко таит в себе потенциальную опасность для нормального развития и ответственного поддержания должной устойчивости социального правопорядка, ибо в таких случаях этот принцип однозначно требует от всех правовых субъектов безусловного и точного применения также противоправных и неправомерных и даже криминогенных законов со всеми вытекающими из этого нецелесообразными и разрушительными для всего правопорядка последствиями [5] и социальными потрясениями, которые, увы, не раз случались в истории разных государств [6].

Поверхностное и одностороннее концептуальное и конституционное признание принципа верховенства (примата) государственного закона, принятого духовно невежественным, юридически не совсем образованным, политически подневольным и психологически подавляющим парламентским большинством безответственных перед своим народом депутатов, превращает действующее государственное законодательство в закрытую и потому не способную к необходимому развитию систему, которая лишена защитно-приспособительных (иммунно-адаптационных) свойств и качеств, способности к внутренней самоорганизации и преодоления своих внутренних противоречий и пробелов. Между тем любая нормальная государственно-законодательная система, как и любая другая живая, развивающаяся и полномерно действующая система, в той или иной мере должна обладать свойствами самосовершенствования и самоупорядочения, прямыми и обратными связями между всеми своими составными частями [7].

Сама духовно-правовая идея постоянного «органического развития права» предполагает то, чтобы правовые теории и учения (доктрины), законодательные нормы, суды и иные правоохранительные учреждения в своей каждодневной дея-

тельности были способны не только к верному восприятию и применению положений всей системы государственного законодательства, но и к ответственному учёту постоянно развивающегося народного и профессионально-юридического правосознания и растущих насущных потребностей настоящего и будущих поколений людей в зависимости от духовно-правовых и иных особенностей каждого конкретного народа в разное время его исторического становления и развития. Дело в том, что вся система международного и национального права и государственных законов не только целенаправленно действует, но и постоянно духовно, нравственно, идеологически и политически развивается [8, 9], вбирая в себя более совершенные законодательно-правовые положения, административные и судебные решения [10].

Необходимость непрерывного правомерно-и целесообразного нормирования действующего законодательства острее всего чувствуется в процессе его реализации в правоприменительной практике и, главным образом, диктуется двумя обстоятельствами: фактом имеющихся законодательных пробелов (*casus omissus*) и фактом устаревания определенных норм действующего законодательства (*littera occidit*), которые шатают (дестабилизируют) постоянно обновляющийся правопорядок. В случае обнаружения конкретных пробелов в законодательстве закон управомочивает правоприменителей применять принцип аналогии закона или нормы (кроме случаев пробела в нормах субстанционального уголовного законодательства). Судьи и все иные правоприменители в этих случаях обязаны исходить из общих начал, смысла и духа (фундаментальных правовых идей, ценностей, целей, принципов и функций) народного правосознания и действующего законодательства [11].

Отмечая исключительную важность и ответственность правоприменителей в разумном и благовременном восполнении законодательных пробелов, Ф.Бэкон писал: «Право дополнять закон и расширить границы его применения или же смягчить его действие мало чем отличается от права издавать законы» [12, с. 527]. Таким образом, при восполнении пробелов в законодательстве происходит процесс конкретизации не буквы положительного закона, а духа права, и потому акты правоприменения в значительной мере по своей сути и содержанию уподобляются актам парламентского законотворчества.

Такие законотворческие элементы в судебной и правоприменительной практике всякого правомерного государства подвергают определенной поправке, прежде всего, те положения действующего законодательства, которые недостаточно верно, полно и соразмерно отражают объективные и общеобязательные закономерности правовой жизни и правопорядка [13]. Более того, правоприменительное исполнение норм действующего законодательства в какое-то мере всегда сопряжено с вос-

полнением содержания и формы применяемого закона. И это нельзя считать недостатком юридической практики, а, напротив, ее неопределимым достоинством и гарантом постоянного развития общенародного и профессионального правосознания и действующего государственного законодательства [14].

Отсюда следует вывод: во всех случаях очевидных законодательных погрешностей и противоречий, неправомерности и функциональной нецелесообразности того или иного подлежащего применению законодательного положения, законодатель обязан конституционно предоставить, прежде всего судьям, затем в определённой мере правоохранителям и правоприменителям законное право ответственного отказа от применения неправомерного положения закона и вынесения условных решений в форме предполагаемого правомерного проекта закона (правоположения) и неотложного обращения в соответствующие вышестоящие органы, которые конституционно наделены правом законодательной инициативы, с тем чтобы через законодателя вовремя внести соответствующие необходимые и полезные поправки в несовершенное действующее законодательство [15].

Естественно, здесь возникает вопрос: нарушается ли при этом принцип законности? На первый взгляд и формально, конечно, да – нарушается, однако законность в таких случаях уже нарушена гораздо раньше самим неосмотрительным законодателем, т.е. тогда, когда им безответственно был разработан и издан применяемый неправомерный закон. Неприменение же неправомерного закона является лишь разумным актом логического «отрицания отрицания» объективно действующего общеобязательного права, т.е. предохранением истинной идеи и момента права от его первоначального законодательного или судебного нарушения. В связи с этой идеей В.Г.Ф. Гегель писал: «Этим добавлением я хочу завершить всю систему законов, - чтобы вы не стремились, подобно фарисеям и книжникам вашего народа, следовать букве закона, которая подвластна суду человеческого, а следовали бы духу закона, действовали бы так, как велит вам долг» [16, с. 43].

В этом смысле никакая служебная обязанность не может разумно связывать ответственного судью или иного добросовестного правоприменителя буквой противоправного закона, который произвольно издан в явное нарушение надлежащего и непреходящего духа права и развивающейся политико-правовой жизни данного общества и государства. Даже римские юристы (например, Юлиан) много веков тому назад были глубоко убеждены в том, что мы не можем следовать тому, что установлено вопреки смыслу права как юридическому правилу [17, с. 107], ибо надлежащая и непреходящая идея права всегда должна иметь приоритет перед ограниченным разумом и изменчивой волей даже самого мудрого человека-законодателя. А для этого

необходимо конституционно связать правоприменителей не только и не столько юридически возведённым в смертоносную догму конституционным принципом верховенства изданного теми или иными правящими государством на какое-то время людьми (человекообразного) закона, но, прежде всего, духом первенства и верховенства (примата) надлежащей и непреходящей идеи общеобязательного права и правомерной конституции [4; 18].

Здесь закономерно возникает вопрос: а можно ли в связи с предлагаемой нами новой правовой стезей (правотворческой парадигмой или алгоритмом конституционного самообновления и самосовершенствования) и правового развития составить чёткую конституционно закреплённую систему и действенную программу для благовременного правомерного и целесообразного решения периодически проявляющихся в практике правоприменения проблем [19], связанных с систематическим снятием противоречий между постоянно развивающимся (динамичным) народным и профессиональным правосознанием и относительно застойной (статичной) системой во времени ветшающего законодательства, между требованиями живой идеи надлежащего права и устаревшими и недостаточно полными предписаниями подлежащего исполнению государственного закона?

Всякое государственное законодательство, как нечто формальное, имеет постоянную тенденцию к возможно долгому самосохранению, а живой правопорядок, как нечто духовное и содержательное, постоянно сохраняет в себе заряд подвижной неравновесности и должного самосовершенствования. Эти два органически естественных и диалектически противоречивых, или одновременно взаимно предполагающих и противостоящих другу друга момента, оберегают правовую систему, с одной стороны, от всевозможной неустойчивости, с другой стороны, от ее чрезмерной жесткости (ригидности), которая способна препятствовать своевременному ее переводу в качественно новое состояние и, тем самым, породить потенциальную угрозу для ее последующей устойчивости конституционного строя [20] и социального правопорядка.

Здесь, естественно, встает вопрос: что конкретно нужно для того, чтобы система наличного народного и профессионально-юридического правосознания и действующего законодательства, подобно другим саморегулирующимся системам, была способной к непрерывному самосовершенствованию и самообновлению, чтобы конституция содержала в себе достаточные гарантии для благовременного обновления, воспроизводства и улучшения всей действующей правовой системы?

Всё это может стать возможным благодаря предложенной нами выше и подлежащей конституционному закреплению системе правомерных критериев законодательства [11], а также обратной сигнально-информационной оперативной связи от

судей и правоприменителей – к законодателям на всех уровнях: федеральном, региональном и местном [21]. Предлагаемая открытая система государственного законодательства может приобрести способность запрограммированного двойного правового очищения (филтрации): как сверху, на стадии сдерживания и поправки (юстировки) законодательных решений парламентского большинства посредством системы конституционно закрепленных законодательных критериев, так и снизу, на стадиях судебного и административного правоохранения и правоприменения посредством добросовестного и ответственного конституционного толкования [22] и применения или отказа от применения неправомерных и дисфункциональных положений законодательства.

Представляется, что даже самая жесткая и долговременно действующая конституция должна содержать в себе практическую возможность гибкого и оперативного проведения систематических законодательных реформ для избегания всякого рода социальных застоев и революционных потрясений. Нетрудно заметить, что в такой мудрой конституции могли бы гармонично сочетаться основные преимущества различных известных нам правовых систем: дух универсальности высокого правосознания, рациональность и определенность позитивного закона, а также гибкость и конкретность судебного прецедента. Эти необходимые свойства образуют более сложную и всеохватывающую систему национального правосознания и государственного законодательства, которая призвана выполнять более обширный комплекс наиболее сложных социально-правовых проблем [23].

Теоретико-правовая и математическая (кибернетическая) идея и краеугольный новый принцип нормирующе-нормируемого законодательства («*norma normans et normata*») с присущей ему обратной сигнально-информационной оперативной связи от правоисполнителей к законодателю может предоставить дополнительные правовые гарантии для своевременного и безболезненного преодоления законодательных противоречий и пробелов, равно как и для поддержания должной устойчивости (стабильности) конституционного правопорядка посредством равномерной мобильности действующего законодательства. В частности, уместно отметить, что сама идея открытой для постоянного обновления и саморазвивающейся правовой системы появилась из необходимости конституционного признания той высшей истины, согласно которой поиски, выявление и решение законодательных проблем должны осуществляться не только на стадиях парламентского обсуждения и принятия законопроектов, но также и на стадиях их судебного толкования, реализации и применения [24].

В идее саморазвития судебно-правовой системы происходит постоянное восстановление, воспроизводство и, образно говоря, исцеление (одновременно интеграция и синтез) основных типов

правовых систем: религиозно-идеологической (традиционной для общин обычного права), законодательно-позитивной (статутной, романо-германской) и судебно-разрешительной (прецедентной, англо-саксонской) [25]. Органическая правовая система призвана, прежде всего, разрешить противоречия и недостатки внутри самой системы законодательства и установленных судебных прецедентов. Кстати говоря, проблема внутрисистемных противоречий является общенаучной, а не только чисто правовой проблемой и потому всегда привлекала к себе внимание наиболее крупных ученых в различных областях так называемых естественных и точных наук.

Так, например, известные немецкие математики Давид Гильберт и Курт Гедель*, считая высшую математику самой точной и совершенной среди прочих наук, сначала полагали, что она способна самостоятельно разрешать свои внутренние противоречия, и попытались найти верный путь (способ, метод, алгоритм или парадигму) решения внутренних противоречий, которые содержатся во всех развивающихся системах. Это была грандиозная попытка выявить основания математики, четко разграничить ее формальный уровень от мета-уровня, оценить наличные теоретические взгляды и языковые измерения [26] этих теорий, а также обоснованно доказать их логическую и функциональную непротиворечивость [27].

Однако ученые пришли к выводу, что непротиворечивость любой формальной системы (даже элементарной математики) невозможно произвести средствами, формализуемыми внутри этой системы [28; 29]. Иными словами, основные противоречия любой целостной и непротиворечивой системы могут разрешаться только в пределах еще более широкой системы – метасистемы [30; 31; 32]. Научно доказанная формула $(N+1)$ применима также и к разрешению проблем внутри любой правовой и законодательной системы, в особенности к решению противоречий между безмерным духом права и ограниченной буквой закона, между преемственной устойчивостью (стабильностью) социального правопорядка и подвижностью (динамикой) изменяющихся и обновляющихся общественных правоотношений, действующего законодательства и правоприменительной практики.

В связи с этим в своё время отец современной кибернетики Н. Винер верно заметил: «Самоорганизующимися системами называются такие системы, которые способны при изменении внешних или внутренних условий их функционирования и развития сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта, сигналы о

* Теорема Курта Гёделя о полноте исчисления предикатов, доказанная в 1929 году. Она является одной из фундаментальных теорем математической логики: устанавливает однозначную связь между логической истинностью высказывания и его выводимостью в логике первого порядка.

котором поступают по каналам обратной связи. Обратная связь – это функция-свойство, позволяющее регулировать будущее поведение прошлым выполнением приказов..., при этом не существует резких границ между энергетической и информационной связью» [33, с. 142; 34, с. 45, 51]. Стало быть, для превращения нынешней системы права и законодательства из закрытой в открытую систему, необходимо, чтобы не только императивы и координирующая информация действующих законов передавались по прямому каналу всем подлежащим правовым субъектам, но также гарантировалась бы оперативная обратная связь с законодателем, идущая от всех активных субъектов права.

Совершенная и постоянно обновляющаяся правовая система, подобно всякому живому организму, должна обладать защитно-приспособительными (иммунно-адаптационными) свойствами и способностью целесообразно реагировать на всевозможные изменения зависимых от времени социальных условий. «Назначение кодексов, – писал известный американский социолог права Р. Паунд, – состоит не только в фиксации в авторитарной форме итогов прошлого развития права, а в значительно большей степени в том, чтобы дать юристу и суду основу для введения новых норм» [35]. Следует отметить, что проблемы статичности и динамики идеи права (правосознания) и законодательства вовсе не должны противопоставляться и составлять альтернативы, поскольку без постоянного и равномерного совершенствования законодательства и его приспособления к изменяющимся условиям реальной жизни невозможно полномерно поддерживать и сохранять устойчивость социального правопорядка [11].

Тем не менее, если живое право и действующее государственное законодательство, как самоотражающаяся [36], самодвижущаяся и самоизменяющаяся сущность содержит в себе гомеостатический заряд (т.е. свойство подвижного и стабильного равновесия, или стабильной неуравновешенности), то позитивное законодательство имеет постоянную склонность к самосохранению и саморазвитию. И поскольку правовая система, в отличие от живых организмов, является менее замкнутой и самодостаточной системой, то ее саморазвитие можно запрограммировать на уровне Основного закона общества с той целью, чтобы она из, так сказать, «ниппельной» и закрытой системы превратилась бы в открытую и самосовершенствующуюся систему.

При безусловном действии конституционно закрепленного принципа верховенства (приоритета) закона суды обязаны во всех случаях применять установленные нормы законодательства, даже если они неправомерны или недостаточны для разрешения конкретных правовых проблем, а последствия их применения вредны для общества и правопорядка. В подобных случаях Ф. Бэкон считал разумным для суда «приостановить действие этих

законов до тех пор, пока не будет создан парламент или какой-то иной орган, наделенный полномочиями отменить их» [37, с. 522]. Поэтому открытая система права требует внесения в конституцию новых принципов ступенчатого приоритета права, конституции, закона, подзаконных актов, а также ответственного отказа судей от применения неправомерных и неконституционных законов, сопряженного с правом приостановления их действия и обращения в конституционный или иной верховный суд, который имеет полномочие законодательной инициативы [22; 38].

В этом свете вовсе не случайно то, что статья 20 Основного закона ФРГ 1949 года связывает исполнительную и судебную власть не только законом, но также идеей права и определенными действующими правами и обязанностями человека и гражданина. Идея ответственного правомочного отказа суда от применения неправомерного и разрушительного закона четко и однозначно выражена в статье 93 Конституции Греции 1975 года, которая гласит: «Суды обязаны не применять закон, содержание которого противоречит Конституции», но обязаны своевременно выявлять и передавать в законодательные органы все предложения по совершенствованию действующего законодательства.

В случае выявления судами законодательных казусов и противоречий между понятиями «права» [39] и «правомерности» [40; 41], «конституционности» и «законности» применяемых законодательных положений, а также в иных чрезвычайных ситуациях необходимого нормирования (изменения или дополнения) действующего законодательства (*lege necessitatis tranagit legem*) правоприменитель, в случае сомнения, должен исходить из принципа предположительной правомерности и конституционности подлежащей применению нормы закона. Притом в случае противоречия, или конкуренции норм общего и специального закона правоприменитель должен применить специальный закон только тогда, когда его практическое применение не отменяет смысла и должного действия более общего закона, на основании которого он первоначально был принят законодателем.

Мотив квазизаконотворчества правоприменителя должен быть движим от духа права (наличного высокого правосознания) к букве и положению действующего закона, от правомерно возможного и должного к действительному (*a potentia ad actum*), от выявленного целесообразного правоположения (проекта условного решения в форме закона) к обетшавшему и тормозящему парламентскому закону, который должен получить всеобщее признание и обязательность. Данное решение судьи и иного правоприменителя мы называем «условным решением», ибо оно, во-первых, не отменяет действующую норму закона, что входит лишь в исключительную компетенцию законодательной ветви власти, а только временно приостанавливает ее действие в данном случае (*ad hoc*). Во-вторых,

условное решение правоприменителя (т.е. более объективное выражение добросовестного, высокоответственного [42; 43] и профессионально-юридического правосознания и мнения суда в решении конкретного дела), в отличие от реального решения по восполнению пробелов в законодательстве, не вступает в законную силу без последующего законодательного сознания, признания и закрепления.

Представляется, что правомерные и оперативные правовые решения и отчеты судов разных инстанций по принятию условных решений являются признаком повышенной ответственности судов в деле систематического совершенствования действующего законодательства. Условные решения (правоположения*) судов всех уровней могут явиться наглядным и богатым практическим материалом для определенных и своевременных законодательных инициатив высших судебных органов, направленных в адрес законодательной власти парламента, а для последнего – готовым законопроектом для обсуждения и возможного принятия в качестве правомерного и общеобязательного закона.

Если даже «условные решения» судов окажутся не совсем правомерными, они все равно будут играть свою существенно положительную роль в преодолении законодательных несовершенств или разнотолков, и на их основе высшие судебные инстанции смогут получать реальные основания и дополнительную возможность выносить соответствующие постановления и разъяснения для надлежащего толкования и применения темных норм действующего законодательства.

Таким образом, органы правосудия как основы государства (*justitia regorum fundamentum*) всей своей правосознательной мощью и практическими навыками правоприменения получают конституционную возможность активно участвовать в объективных и субъективных процессах трансформации права в закон. Во всех случаях принятия или отвержения законодателем предложенных ему правоприменителями правоположений произойдет своеобразный отчет законодателя [44] перед правоисполнителями, т.е. перед исполнительной и судебной властями, которые будут вовлечены в этот интересный и полезный процесс законодательного и правоприменительного обновления и совершенствования.

В процессе повседневной и систематической реформы (преобразования и возвращения к первоначальному образу (*re-forma*) – надлежащей и непреходящей идее права) действующего национально-государственного законодательства, помимо правоохранительных и правоприменительных государственных органов, могут также участвовать различные иные, негосударственные субъекты пра-

ва: религиозные, общественные, политические и творческие организации, а также органы местного самоуправления. Это, в свою очередь, повысит ответственность законодателя перед своими избирателями и органами местного самоуправления.

Таким образом, правомерная и целесообразная конституционная программа действия механизма законодательного и правоприменительного самосовершенствования основана на законодательном установлении взаимно ответственных прямых и обратных сигнально-информационных оперативных связей между законодателем и государственными и негосударственными правоисполнителями, которые открыли бы возможность живого сотрудничества (например, при сборе статистических и аналитических данных об эффективности практики правоприменения) в правотворческом процессе, идущем двусторонне, как сверху, так и снизу. Это, в свою очередь, может стать дополнительной гарантией также при проведении периодической систематизации (кодификации или инкорпорации) действующего законодательства, поскольку изменение или дополнение той или иной нормы в законодательстве нередко влечет к изменению других норм, институтов или даже отраслей всей системы действующего законодательства.

В таких новых законодательных процессах, например, конституционные и уставные суды, в свою очередь, должны быть вправе использовать своё право законодательной инициативы и предложить законодателю правомерно поправить или дополнить действующий закон [45; 46]. Правда, некоторые современные известные правоведы полагают, что «суд должен лишь проверять, не нарушены ли границы полномочий, а не подвергать сомнению целесообразность, разумность и справедливость решения законодателя» [47]. Однако правовая ответственность судей при таком необходимом восполнении законодательных пробелов или отказе от применения неправомερных законов несколько не меньше, нежели ответственность законодателя при принятии законов, и потому она не может быть ограничена лишь рамками формальных требований изначально неправомερного или уже устаревшего государственного закона [9; 48; 49].

Во многих современных государствах (например, ФРГ, Австрии, Италии, Турции, США, Японии, Греции, Швеции) конституция обязывает судей не применять неправомερный и неконституционный закон, приостановить его действие и обратиться в соответствующий орган, который обладает законодательной инициативой для своевременной отмены, изменения или дополнения закона (статья 93 Конституции Греции 1975 года, статья 18 гл. 8 и статья 14 гл. 11 Инструмента правления Швеции 1983 года) [50]. Часть 4 статьи 93 Конституции Греции устанавливает, что «судьи обязаны не применять тот закон, который противоречит Конституции».

* Имеется в виду ещё официально не узаконенное правомерное и целесообразное положение права в форме закона.

Основные права и свободы человека являются непосредственно действующим правом, определяющим характер функций и пределы полномочий различных ветвей и органов власти и управления (статья 29 Конституции Испании, статья 50 Конституции Италии, статья 140 Конституции Австрии). Согласно статье 5 Конституции Бразилии каждый гражданин, представляющий собой высокий уровень общенародного правосознания, имеет конституционное право в порядке «народного действия» обратиться в суд с заявлением об аннулировании законодательного акта, который наносит ущерб окружающей среде, национальным памятникам культуры, либо с изложением иных общественных нужд и требованием проведения соответствующих законодательных мероприятий.

В ФРГ из пяти тысяч ежегодных индивидуальных жалоб 98% отсеиваются, но даже 2% удовлетворенных Федеральным конституционным судом жалоб, заявлений и петиций граждан являются немалым вкладом в дело непрерывного совершенствования действующего законодательства. В некоторых странах (Колумбии, Панаме, Венесуэле, ФРГ и других) граждане вправе обращаться в конституционный суд также и вне судебной процедуры, если их заявления и петиции имеют важное значение в свете развивающегося народного правосознания [51; 52].

Законодательно закреплённый институт народной правотворческой инициативы в статье 71 Конституции Италии имеет следующее содержание: «народ осуществляет законодательную инициативу путем внесения от имени не менее пятидесяти тысяч избирателей законопроекта, составленного в форме статей закона». Институт отменительного народного голосования (референдума), или народного вето, в статье 75 Конституции Италии устанавливает: «Когда того требуют пятьдесят тысяч избирателей или пять областных советов, назначается референдум для отмены, полностью или частично, закона или акта, имеющего силу закона». В США число таких избирателей составляет от 3% до 5% избирателей отдельных штатов, в Австрии – двести тысяч, в Швейцарии – сто тысяч, а в Испании – пятьсот тысяч избирателей. Особенно часто и эффективно институт народно-законодательной инициативы действует в Швейцарии.

Конституционное право законодательной инициативы конституционных судов (например, статья 125 Конституции РФ) обязывает высшую законодательную и исполнительную власть государства в течение определенного срока внести соответствующие поправки и дополнения, по истечении которого обжалуемый неправомерный закон или нормативный акт автоматически теряет свою юридическую силу [49; 53]. Такой порядок, например, установлен в статье 98 Конституции ЮАР. Он значительно повышает конституционную роль судебной власти, перед которой законодательная и

исполнительная ветви власти несут ответственность и обязаны отчитываться по предмету достаточной обоснованности, правомерности и целесообразности принимаемых ими законов и подзаконных актов.

Согласно пункту 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» предусматривается правомерная и целесообразная возможность приостановления дела судом общей юрисдикции в случае обнаружения неправомерных положений российского законодательства до вынесения соответствующего решения Конституционного Суда РФ, который получает конкретный запрос от нижестоящего суда. «Предоставление судам права обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о правомерности и конституционности законов предоставляет им возможность в известной мере влиять на будущее изменение закона, несовершенство которого выявлено в судебной практике. Это... является фактором обеспечения верховенства Конституции, соподчиненности нормативных актов и укрепление правопорядка».

Тем не менее, почти во всех странах, в том числе и в России, к сожалению, наблюдаются следующие существенные недостатки, которые препятствуют действию предлагаемой открытой системы законодательства.

Во-первых, ни в одной конституции мира нет конституционно закреплённой системы правомерных критериев законодательства [11], посредством которых устанавливалась бы политико-правовая ответственность парламента и отдельных депутатов-законодателей за своевременное принятие необходимых правомерных законов и устранение противоречий и пробелов в действующем законодательстве.

Во-вторых, вместо ныне действующего конституционного принципа приоритета закона следовало бы установить принцип приоритета, прежде всего, надлежащей и непреходящей идеи права [27; 54; 55], положений конституции и только потом закона*.

В-третьих, необходимо конституционно установить право и процедуру ответственного отказа суда от применения неправомерных норм закона и приостановления их действия до внесения парламентом соответствующих поправок в действующее законодательство [56].

В-четвертых, необходимо в конституции закрепить право судов обращаться в соответствующие высшие (конституционные или верховные или кассационные) суды с запросом-правоположением о правомерности и конституционности применяемого закона [52].

В-пятых, необходимо законодательно уполномочить и уполномочить высшие (конститу-

* См. статью 87 Конституции Греции 1975 года.

ционные, уставные и верховные) суды беспрепятственно обращаться с использованием своего конституционного права законодательной инициативы в соответствующие законодательные органы государственной власти с законодательными инициативами в связи с внесениями в действующее законодательство конкретных правомерных и целесообразных изменений и дополнений [57].

Общепринятый конституционный «принцип законности» никогда не может быть неправомерным, двусмысленным и, тем более, самоуязвимым, ибо неправомерный и деструктивный закон сам является позором для себя и законодателя. И вообще непонятно, почему конституционная система должна позволять судам строго и повсеместно исполнять противоправные, неправомерные и нецелесообразные (дисфункциональные) государственные законы, а не содержать в себе программу и механизм их своевременной отмены, юстировки и дополнения. Ведь суд при своем обязательном отказе от применения неправомерного законодательного положения руководствуется той же конституционно закрепленной системой критериев законотворчества (определенных ценностей, целей, принципов, институтов, функций), что и сам законодатель, однако согласно конституционному принципу разделения властей оставляет это право отмены, изменения или дополнения закона только самому законодателю [58].

В тех случаях, когда суд не убежден в неправохарактерности или неправомерности подлежащего применению закона, он должен разумно предполагать (презумировать) в пользу его правообразности, правомерности и целесообразно применить его в обычном порядке. Если же суд убежден в неправомерности, либо сильно сомневается в правомерности применяемой в данном случае нормы, то он должен выявить и нормативно сформулировать более верную и разумную (альтернативную) норму-правоположение, применение которой было бы вполне правомерно и целесообразно в решении данного дела (*ad hoc*) и сделать данную норму положительным основанием для своего условного решения об ответственном временном приостановлении действия установленного неправомерного закона и о своем отказе от его немедленного применения в разрешении данного дела.

Поэтому при всех подобных законодательных коллизиях судьи должны действовать по животворящему духу права и высокого народного и профессионального правосознания, а не по смертоносной и пагубной букве изначально несовершенного, противоправного, устаревшего или мёртвого закона. И такая возможность должна быть законодательно предусмотрена для всех юридически просвещенных и инициативных субъектов конституционного права для большей гибкости (пластики) и подвижности (динамики) системы национального законодательства, расширения оперативной обрат-

ной сигнально-информационной правовой связи, а также значительной разгрузки деятельности конституционных судов, было бы вполне правомерно и целесообразно дать также возможность ответственным гражданам и иным правовым субъектам непосредственно обращаться в суды общей юрисдикции по поводу нормативного нарушения их конституционных прав и свобод [59; 60].

В целях правомерного и разумного законодательного расширения круга добросовестных, ответственных и предприимчивых субъектов конституционного права в пункте 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 года было сказано, что все ответственные и дееспособные граждане имеют законное право участвовать в составлении законов лично или через своих представителей, а суд должен отказываться в применении закона, который, по его убеждению, нарушает основные права [61, с. 22, 37]. В данном случае речь идёт о необходимости законодательной инициативы наиболее сознательной и ответственной части народа или иного политически организованного общества.

Например, статья 162 Конституции Испании такое право предоставляет депутатам, Народному защитнику (омбудсмену), коллегиальным исполнительным органам. Статья 140 Конституции Австрии и статья 93 Основного закона ФРГ дают такое право обращения в Федеральный конституционный суд также гражданам, основные права и свободы которых были нарушены теми или иными нормативными актами или судебными решениями, поскольку согласно части 3 статьи 1 Основного закона основные права человека признаются непосредственно действующим правом, которое налагает определенные обязанности на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти. В этих случаях задачей Конституционного суда является не столько защита власти государственных структур, сколько защита самого непосредственно действующих необходимых прав человека и всего конституционного правопорядка. Как уже было отмечено, вполне правомерно и весьма целесообразно, чтобы такая правотворческая и правозащитная процедура была доступна для граждан также в судах общей юрисдикции [62].

В целях постоянного и существенного повышения действенности постоянно развивающегося народного и профессионально-юридического правосознания и всей судебно-правовой системы правомерного государства необходимо, чтобы конституционным правом законодательной инициативы обладали не только депутаты, правительство, конституционный суд, народный защитник (омбудсмен) и другие правозащитные органы, но также и органы местного самоуправления, религиозные общины и общинные объединения, определенное количество избирателей, которые могли бы непосредственно участвовать в законодательном процессе в порядке, который установлен, скажем, в статьях 28 и 71 Конституции Испании.

Дело в том, что юридически просвещённые и сознательные избиратели, как поручители общего дела своим избранным депутатам, не могут и не должны иметь меньше прав в решении законодательных вопросов, нежели их представители в парламенте. Это необходимо, тем более, если иногда появляется необходимость нести личную правовую и политическую ответственность за неудачно выбранного ими несознательного, недобросовестного и нерадивого депутата-законодателя или безответственно назначенного правителя или судью [9; 63].

Предполагаемая и предлагаемая нами выше правомерная и целесообразная конституционная программа и механизм саморазвивающейся системы правосознания и законодательства (в частности, углубляющееся сознание «духа правомерности и основания межерология права» [64; 65]), могла бы действовать ежедневно и постоянно в целях всеобщего народного блага, а также беспрепятственного действия надлежащей и непреходящей идеи права, правомерного государства, постоянно обновляющегося и совершенствующего национального законодательства и правосудия.

Литература

1. *Осипян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50.
2. *Осипян Б.А.* Правомерный закон и законодательный произвол // Адвокат. 2009. № 7. С. 83–88.
3. Библия. Новый Завет. Евреям, 7:19.
4. *Осипян Б.А.* Правомерные цели надлежащей и долговременной конституции // Вопросы правоведения. 2011. № 3. С. 46–70.
5. *Осипян Б.А.* Причины издания и совершения неправомерных актов: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 71–78.
6. *Осипян Б.А.* Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений // История государства и права. 2009. № 14. С. 31–33. №15. С. 34–36. № 16. С. 30–34.
7. *Осипян Б.А.* Идея саморазвивающейся правовой системы // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 71–79.
8. *Осипян Б.А.* Главные проблемы основательной и «сравнительной» юриспруденции // Образование и право. Научно правовой журнал. 2015. № 1. С. 65–66; № 2. С. 36–59.
9. *Осипян Б.А.* Пути совершенствования европейского права и деятельности ЕСПЧ // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 65–73.
10. *Осипян Б.А.* Армянский Судебник 1184 года как прообраз христианской конституции // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 43–48.
11. *Осипян Б.А.* Конституционная система правомерных критериев законотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 2–8.
12. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. М., 1971–1972. Т.1.
13. *Осипян Б.А.* Соотношение и связи объективного закона, права и юридического закона // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 40–45.
14. *Осипян Б.А.* Двойственный характер и пределы действия закона // Современное право. 2010. № 10. С. 13–18.
15. *Осипян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50.
16. *Гегель.* Философия религии. М., 1976. Т. 1.
17. *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.
18. *Осипян Б.А.* Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // Представительная власть-XXI век. 2003. № 1. С. 14–18; № 4. С. 20–25.
19. *Осипян Б.А.* Правомерные возможности влияния добросовестного и образованного российского депутата на качество принимаемых парламентским большинством законов // Современное право. 2012. № 6. С.17–21 и №7. С. 48–54.
20. *Осипян Б.А.* Некоторые важные проблемы укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 18–22.
21. *Осипян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50.
22. *Осипян Б.А.* Проблемы правомерного толкования конституционных положений // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 26–30.
23. *Осипян Б.А.* Преимущества и недостатки различных правовых систем // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 3. С. 50–52.

24. *Осибян Б.А.* Критерии правомерного толкования и исполнения законов и правоположений // Современное право. 2013. № 5. С. 150–158.
25. *Осибян Б.А.* Главные проблемы основательной и «сравнительной» юриспруденции // Образование и право. Научно правовой журнал. 2015. № 1. С. 65–66; № 2. С. 36–59.
26. *Осибян Б.А.* Языковые измерения надлежащей и непреходящей идеи права и правомерного общеобязательного закона // Вестник развития науки и образования. 2015. № 5. С. 56–73.
27. *Осибян Б.А.* Духовно-нравственные критерии правомерной законодательной политики современного государства // Образование и право. 2015. № 3. С. 67–68; № 4. С. 7–27.
28. *Мелюхин С.Т.* Философские проблемы естествознания. М., 1985. С. 73–74.
29. *Андреев И.Д.* Проблемы логики и методологии познания. М., 1972. С. 274.
30. *Осибян Б.А.* Понятие правометрии, или межерологии права // Государство и право. 2005. № 8. С. 14–19.
31. *Осибян Б.А.* О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть-XXI век. 2005. № 2. С. 26–28.
32. *Осибян Б.А.* Перспективы глобального развития права // Современное право. 2004. № 2. С. 44–48.
33. *Винер Н.* Кибернетика, или управление или связь в животном и машине. М., 1958.
34. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.
35. *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Boston, 1953. P. 176.
36. *Dworkin R.* Law's Empire. London, 1986. P. 413.
37. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. М., 1971–1972. Т. 1.
38. *Осибян Б.А.* Место Конституционного Суда РФ в системе органов государственной власти // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 3. С. 13–18.
39. *Осибян Б.А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или направления действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3. С. 28–38.
40. *Осибян Б.А.* Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2. С. 34–42.
41. *Осибян Б.А.* Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69–78.
42. *Осибян Б.А.* Основание и система правовой ответственности // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.
43. *Осибян Б.А.* Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018 № 1. С. 16–22.
44. *Осибян Б.А.* Гарантии действенности актов главы государства и исполнительной власти // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 45–50.
45. *Осибян Б.А.* Идея саморазвивающейся правовой системы // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 71–79.
46. *Осибян Б.А.* Верное правосознание как путеводитель надлежащего развития законодательной и судебно-правоохранительной системы государства // Научная мысль. 2017. № 4. С. 9–20.
47. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 274.
48. *Осибян Б.А.* Необходимость и правовые основания защиты конституционных прав и свобод человека в Европейском Суде по правам человека // Права человека. Практика ЕСПЧ. 2012. № 3. С. 32–38.
49. *Осибян Б.А.* Роль Конституционного Суда РФ в процессах совершенствования федеративных правоотношений и гармонизации конституций, уставов и законов субъектов России // Современное право. 2014. № 4. С. 92–103.
50. *Constitutions of the Countries of the World.* New York, 1988. P. 59.
51. *Осибян Б.А.* Истинное правосознание человека как верное отражение смысла надлежащей и непреходящей идеи права и основа правомерного закона // Вестник развития науки и образования. 2016. № 6. С. 94–110.
52. *Осибян Б.А.* Роль высокого профессионального и общественного правосознания в развитии законодательной и судебной системы государства // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12. С. 42–53.
53. *Осибян Б.А.* Защита органами конституционного правосудия России основ правопорядка, общепризнанных прав и свобод личности // Современное право. 2006. № 11. С. 26–31.
54. *Осибян Б.А.* Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23–40.
55. *Осибян Б.А.* Сущность конституционного права свободного самоопределения человека // Вопросы правоведения. Право. 2013. № 2. С. 115–138.
56. *Осибян Б.А.* Смысл государственного строительства, управления и правосудия // Право и жизнь. 2014. № 194 (8). С. 61–84.

57. *Осипян Б.А.* Сотрудничество российских органов конституционного правосудия между собой и иными судами как дополнительная гарантия для принятия единообразных решений и надлежащего их исполнения // *Администратор суда.* 2011. № 4. С. 13–19.
58. *Осипян Б.А.* Правомерное и функциональное распределение единой государственной власти // *Социально-политические науки.* 2014. № 1. С. 25–29.
59. *Осипян Б.А.* Защита органами конституционного правосудия России основ правопорядка, общепризнанных прав и свобод личности // *Современное право.* 2006. №11. С. 26–31.
60. *Осипян Б.А.* Правовые основы международной безопасности // *Международное право и международные организации.* 2014. № 2. С. 245–254.
61. *Еллинек Г.* Декларация прав человека и гражданина. М., 1906. С. 22, 37.
62. *Осипян Б.А.* Правомерные возможности защиты прав российских граждан в Европейском Суде по правам человека // *Международное право и международные организации.* 2015. № 1. С. 54–67.
63. *Осипян Б.А.* Проблемы осуществления законодательной власти государства // *Образование и право.* 2015. № 5–6. С. 39–57; № 7–8. С. 143–160.
64. *Осипян Б.А.* Дух правометрии, или основание межерологии права. М., 2009. 656 с.
65. *Осипян Б.А.* Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. М., 2009. 365 с.

References

1. *Osipyany B.A.* Transformatsiya prava v zakon: dukhovnye, nauchnye i prakticheskie aspekty // *Gosudarstvo i pravo.* 2006. № 8. S. 43–50.
2. *Osipyany B.A.* Pravomernyi zakon i zakonodatel'nyi proizvod // *Advokat.* 2009. № 7. S. 83–88.
3. *Bibliya.* Novyi Zavet. Evreyam, 7:19.
4. *Osipyany B.A.* Pravomernye tseli nadlezhashchei i dolgovremennoi konstitutsii // *Voprosy pravovedeniya.* 2011. № 3. S. 46–70.
5. *Osipyany B.A.* Prichiny izdaniya i soversheniya nepravomernykh aktov: dukhovnye, nauchnye i prakticheskie aspekty // *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal.* 2009. № 4. S. 71–78.
6. *Osipyany B.A.* Protivorechivost' dorevolutsionnogo rossiiskogo zakonodatel'stva kak sushchestvennoe uslovie budushchikh revolyutsionnykh potryaseni // *Istoriya gosudarstva i prava.* 2009. №14. S. 31–33. № 15. S. 34–36. № 16. S. 30–34.
7. *Osipyany B.A.* Ideya samorazvivayushcheisya pravovoi sistemy // *Zhurnal rossiiskogo prava.* 2004. № 4. S. 71–79.
8. *Osipyany B.A.* Glavnye problemy osnovatel'noi i «sравnitel'noi» yurisprudentsii // *Obrazovanie i pravo. Nauchno pravovoi zhurnal.* 2015. № 1. S. 65–66; № 2. S. 36–59.
9. *Osipyany B.A.* Puti sovershenstvovaniya evropeiskogo prava i deyatelnosti ESPCh // *Sotsial'no-politicheskie nauki.* 2015. № 1. S. 65–73.
10. *Osipyany B.A.* Armyanskii Sudebnik 1184 goda kak proobraz khristianskoi konstitutsii // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* 2006. № 7. S. 43–48.
11. *Osipyany B.A.* Konstitutsionnaya sistema pravomernykh kriteriev zakonotvorchestva // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* 2008. №. 23. S. 2–8.
12. *Bekon F.* Sochineniya: v 2 t. M., 1971–1972. T.1.
13. *Osipyany B.A.* Sootnoshenie i svyazi ob"ektivnogo zakona, prava i yuridicheskogo zakona // *Obshchestvo i pravo.* 2010. № 4 (31). S. 40–45.
14. *Osipyany B.A.* Dvoistvennyi kharakter i predely deistviya zakona // *Sovremennoe pravo.* 2010. № 10. S. 13–18.
15. *Osipyany B.A.* Transformatsiya prava v zakon: dukhovnye, nauchnye i prakticheskie aspekty // *Gosudarstvo i pravo.* 2006. № 8. S. 43–50.
16. *Gegel'.* Filosofiya religii. M., 1976. T. 1.
17. *Pereterskii I.S.* Digesty Yustiniana. M., 1956.
18. *Osipyany B.A.* Novyi pravovoi zavet deputatam parlamentov mira, ili konstitutsionnaya sistema pravovoi otvetstvennosti zakonodatelei // *Predstavitel'naya vlast'-XXI vek.* 2003. № 1. S. 14–18; № 4. S. 20–25.
19. *Osipyany B.A.* Pravomernye vozmozhnosti vliyaniya dobrosovestnogo i obrazovannogo rossiiskogo deputata na kachestvo prinimaemykh parlamentskim bol'shinstvom zakonov // *Sovremennoe pravo.* 2012. № 6. S.17–21 i №7. S. 48–54.
20. *Osipyany B.A.* Nekotorye vazhnye problemy ukrepleniya pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiya // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* 2008. № 10. S. 18–22.
21. *Osipyany B.A.* Transformatsiya prava v zakon: dukhovnye, nauchnye i prakticheskie aspekty // *Gosudarstvo i pravo.* 2006. № 8. S. 43–50.
22. *Osipyany B.A.* Problemy pravomernogo tolkovaniya konstitutsionnykh polozhenii // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo.* 2007. № 7. S. 26–30.

23. *Osipyany B.A.* Preimushchestva i nedostatki razlichnykh pravovykh sistem // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2003. № 3. S. 50–52.
24. *Osipyany B.A.* Kriterii pravomernogo tolkovaniya i ispolneniya zakonov i pravopolozhenii // Sovremennoe pravo. 2013. № 5. S. 150–158.
25. *Osipyany B.A.* Glavnye problemy osnovatel'noi i «sравnitel'noi» yurisprudentsii // Obrazovanie i pravo. Nauchno pravovoi zhurnal. 2015. № 1. S. 65–66; № 2. S. 36–59.
26. *Osipyany B.A.* Yazykovye izmereniya nadlezhashchei i neprekhdoyashchei idei prava i pravomernogo obshcheobyazatel'nogo zakona // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2015. № 5. S. 56–73.
27. *Osipyany B.A.* Dukhovno-nravstvennye kriterii pravomernoi zakonodatel'noi politiki sovremennogo gosudarstva // Obrazovanie i pravo. 2015. № 3. С. 67–68; № 4. S. 7–27.
28. *Melyukhin S.T.* Filosofskie problemy estestvoznaniya. M., 1985. S. 73–74.
29. *Andreev I.D.* Problemy logiki i metodologii poznaniya. M., 1972. S.274.
30. *Osipyany B.A.* Ponyatie pravometrii, ili mezherologii prava // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 8. S. 14–19.
31. *Osipyany B.A.* O neobkhodimosti religioznogo izmereniya prava // Predstavitel'naya vlast'-XXI vek. 2005. № 2. S. 26–28.
32. *Osipyany B.A.* Perspektivy global'nogo razvitiya prava // Sovremennoe pravo. 2004. № 2. S. 44–48.
33. *Viner N.* Kibernetika, ili upravlenie ili svyaz' v zhivotnom i mashine. M., 1958.
34. *Viner N.* Kibernetika i obshchestvo. M., 1958.
35. *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Boston, 1953. P. 176.
36. *Dworkin R.* Law's Empire. London, 1986. P.413.
37. *Bekon F.* Sochineniya: v 2 t. M., 1971–1972. T.1.
38. *Osipyany B.A.* Mesto Konstitutsionnogo Suda RF v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2006. № 3. S. 13–18.
39. *Osipyany B.A.* Pravo kak vernyi put' k poryadku i dushespaseniyu, ili napravleniya deistviya nadlezhashchei i neprekhdoyashchei idei prava // Religiya i pravo. 2015. № 3. S. 28–38.
40. *Osipyany B.A.* Opredelenie ponyatiya prava // Sovremennoe pravo. 2007. № 2. S. 34–42.
41. *Osipyany B.A.* Koren' ponyatiya «pravomernost'» // Sovremennoe pravo. 2008. № 1. S. 69–78.
42. *Osipyany B.A.* Osnovanie i sistema pravovoi otvetstvennosti // Sovremennoe pravo. 2007. № 5. S. 77–85.
43. *Osipyany B.A.* Pravomernoe i tselesoobraznoe razlichenie raznykh vidov yuridicheskoi otvetstvennosti fizicheskikh, dolzhnostnykh i yuridicheskikh lits // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2018 № 1. S. 16–22.
44. *Osipyany B.A.* Garantii deistvennosti aktov glavy gosudarstva i ispolnitel'noi vlasti // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2010. № 4. С. 45–50.
45. *Osipyany B.A.* Ideya samorazvivayushcheisya pravovoi sistemy // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 4. S. 71–79.
46. *Osipyany B.A.* Vernoe pravosoznanie kak putevoditel' nadlezhashchego razvitiya zakonodatel'noi i sudebno-pravookhranitel'noi sistemy gosudarstva // Nauchnaya mysl'. 2017. № 4. S. 9–20.
47. *Khesse K.* Osnovy konstitutsionnogo prava FRG. M., 1981. S. 274.
48. *Osipyany B.A.* Neobkhodimost' i pravovye osnovaniya zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka v Evropeiskom Sude po pravam cheloveka // Prava cheloveka. Praktika ESPCh. 2012. № 3. S. 32–38.
49. *Osipyany B.A.* Rol' Konstitutsionnogo Suda RF v protsessakh sovershenstvovaniya federativnykh pravootnoshenii i garmonizatsii konstitutsii, ustavov i zakonov sub"ektov Rossii // Sovremennoe pravo. 2014. № 4. S. 92–103.
50. *Constitutions of the Countries of the World.* New York, 1988. R. 59.
51. *Osipyany B.A.* Istinnoe pravosoznanie cheloveka kak vernoe otrazhenie smysla nadlezhashchei i neprekhdoyashchei idei prava i osnova pravomernogo zakona // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. 2016. № 6. S. 94–110.
52. *Osipyany B.A.* Rol' vysokogo professional'nogo i obshchestvennogo pravosoznaniya v razvitiі zakonodatel'noi i sudebnoi sistemy gosudarstva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 12. S. 42–53.
53. *Osipyany B.A.* Zashchita organami konstitutsionnogo pravosudiya Rossii osnov pravoporyadka, obshchepriznannykh prav i svobod lichnosti // Sovremennoe pravo. 2006. №11. S. 26–31.
54. *Osipyany B.A.* Smysl zhizni cheloveka v kontekste neprekhdoyashchei idei prava // Voprosy pravovedeniya. 2012. № 1. S. 23–40.
55. *Osipyany B.A.* Sushchnost' konstitutsionnogo prava svobodnogo samoopredeleniya cheloveka // Voprosy pravovedeniya. Pravo. 2013. № 2. S. 115–138.
56. *Osipyany B.A.* Smysl gosudarstvennogo stroitel'stva, upravleniya i pravosudiya // Pravo i zhizn'. 2014. № 194 (8). С. 61–84.

-
57. *Osipyan B.A.* Sotrudnichestvo rossiiskikh organov konstitutsionnogo pravosudiya mezhdub soboi i inymi sudami kak dopolnitel'naya garantiya dlya prinyatiya edinoobraznykh reshenii i nadležashchego ikh ispolneniya // *Administrator suda*. 2011. № 4. S. 13–19.
58. *Osipyan B.A.* Pravomernoe i funktsional'noe raspredelenie edinoi gosudarstvennoi vlasti // *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2014. № 1. S. 25–29.
59. *Osipyan B.A.* Zashchita organami konstitutsionnogo pravosudiya Rossii osnov pravoporyadka, obshchepriznannykh prav i svobod lichnosti // *Sovremennoe pravo*. 2006. №11. S. 26–31.
60. *Osipyan B.A.* Pravovye osnovy mezhdunarodnoi bezopasnosti // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2014. № 2. S. 245–254.
61. *Ellinek G.* Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina. M., 1906. S. 22, 37.
62. *Osipyan B.A.* Pravomernye vozmozhnosti zashchity prav rossiiskikh grazhdan v Evropeiskom Sude po pravam cheloveka // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 2015. № 1. S. 54–67.
63. *Osipyan B.A.* Problemy osushchestvleniya zakonodatel'noi vlasti gosudarstva // *Obrazovanie i pravo*. 2015. № 5–6. С. 39–57; № 7–8. S. 143–160.
64. *Osipyan B.A.* Dukh pravometrii, ili osnovanie mezherologii prava. M., 2009. 656 s.
65. *Osipyan B.A.* Vozmozhnosti ukrepleniya pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiya. M., 2009. 365 s.

Поступила в редакцию 17 июня 2018 г.
Received 17 June, 2018